

ХРОНИКА

15 и 16 апреля 2013 года ЦТН провел научную конференцию **«Монашество. Мир. Литература. К 100-летию со дня кончины преподобного Варсонофия Оптинского»**. Для Центра стало уже привычным участие в конференциях (помимо филологов) историков и философов. На этот раз круг участников был еще более расширен – с докладами выступили также богословы, искусствоведы, писатели. Среди докладчиков были как постоянные гости Центра, так и присоединившиеся к ним впервые.

Во вступительном слове *А. М. Любомудров* (ИРЛИ) рассказал об итогах и перспективах изучения темы, обозначил возможные направления дальнейших исследований. Он напомнил, что монашество есть самое полное выражение Православия. Вплоть до Нового времени православная культура просвещенной Христовым светом Руси была культурой именно монастырской, а обители действительно были «светом миру». Ошибочно мнение о глубокой пропасти, разделяющей монашество и мир. Аскетизм признается в христианстве необходимым и для мирян; разница между мирским и монашеским бытием – не в сущности, а в формах. Монастырь есть лишь особая *форма* христианской жизни. А если это так, то мы, филологи, обладаем ценным инструментом в постижении религиозной проблематики литературы: восприятие художником монашества и есть восприятие им собственно Православия, сознает ли он сам это или нет. Поэтому анализ воплощения именно монастырских тем, отражения монастырской культуры является адекватным и эффективным инструментом для изучения проблемы «христианство и культура».

А. М. Любомудров констатировал направления разработки темы, обозначенной в названии конференции: русская классика в оценках и восприятии монахов-старцев и подвижников благочестия; личное общение писателей и монашествующих; принятие монашества художником (чаемое или осуществленное); художественное творчество монашествующих. И,

конечно, монашество глазами писателей. Может ли писатель-мирянин постичь суть монашеского делания? Запечатлеть его в адекватных образах? Как писатель видит инока? Воспринимает ли вполне смысл этого служения?

Рассуждения об этом А. М. Любомудров продолжил в своем докладе «Инок глазами художника. Границы понимания». Он охарактеризовал знаковые литературные явления, связанные с указанной темой, в творчестве Пушкина, Тургенева, Лескова, Чехова; напомнил, что образы монастыря и монаха, созданные Достоевским, стали мощным фактором в последующей русской культуре. Художники ощущали поле, порождаемое этими образами, и неизбежно входили в соприкосновение с ним. Но практически всегда – чтобы оспорить, опровергнуть художественными средствами, снизить неожиданно вознесенный Достоевским на небывалую высоту образ. Это относится к прозе Л. Толстого, М. Горького, Л. Леонова, в которой «обитатели» и «иноки» не имеют ничего общего с реальностью. О сложности понимания художником путей и поводов к монашеству свидетельствует и созданный позднее рассказ И. Бунина «Чистый понедельник», где мотивировки ухода героини в монастырь предстают откровенно фантастическими. За редкими исключениями едва ли можно говорить о глубоком и многоплановом отражении монастырской культуры, образов монашествующих в русской классике XVIII – начала XX веков. Тем более удивительно, что в светской русской литературе все же произошло открытие Святой Руси, глубокое постижение монашеского образа жизни. Оно связано с именами И. Шмелева, Б. Зайцева и ряда менее крупных фигур русского зарубежья, в чьем творчестве монастырская культура стала центром художественного внимания.

В заключение докладчик напомнил о нашумевшем бестселлере архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Это явление новое в нашей словесности: беллетристика о монастырской жизни, созданная писателем-монахом; она свидетельствует, возможно, о появлении нового направления русской прозы – «монастырской».

На первый план конференции вышли сюжеты, связанные с Оптиной Пустынью. Этот монастырь, столь много значащий для Русской церкви и отечественной культуры, так или иначе упоминался почти в каждом выступлении. Были представлены и доклады, непосредственно откликающиеся на дату, послужившую поводом к проведению конференции.

Так, *Г. П. Черкасова* (ГИМ, Москва) выступила с докладом «“Беседы” старца Варсонофия Оптинского как источник для изучения его биографии». Жизненный путь каждого монаха, отметила докладчица, делится на два периода – жизнь в миру и жизнь в монашестве. События монашеского периода жизни старца Варсонофия хорошо известны из летописи скита, келейных записок старца и писем, к сожалению, немногих, сохранившихся в архиве монастыря после его закрытия и разорения. Существуют и воспоминания о старце Варсонофии. Это живое слово его современников и духовных чад. Основным же источником сведений о жизни Павла Ивановича Плиханкова, будущего старца Варсонофия, до поступления в Иоанно-Предтеченский скит (это две трети его жизненного пути) являются беседы, которые старец вел со своими духовными детьми в скиту Оптиной Пустыни, а затем в Старо-Голутвином Богоявленском монастыре близ Коломны, настоятелем которого он был назначен в последний год жизни. До нас дошли 47 бесед, записанных в скиту, и 21 беседа в Старо-Голутвине, хронологически от 1907 года до 22 февраля 1913 года.

Главное в беседах – это руководство пасомых старцем душ к жизни во Христе, а значит, к их спасению. Рассказ же о своей жизни, автобиографические сведения, старец Варсонофий включает в духовную канву бесед по мере необходимости без указания конкретных дат, но при этом раскрывая духовный смысл каждого события. Только одна дата названа старцем, и вспоминает он о ней в двух беседах: это 17 сентября 1883 г., когда Павел Иванович Плиханков, будущий старец Варсонофий, принял решение последовать призыву Божию и оставить мир. Вспоминаемых старцем событий собственной жизни в беседах немного, и они часто имеют

сокровенный, мистический смысл. Собранные воедино эти немногочисленные сведения дают нам представление о пути духовного возрастания П. И. Плиханкова до старца Варсонофия.

Рассматривая события жизни старца Варсонофия и изучая тексты его бесед как биографический источник, нетрудно заметить, что описываемое событие всегда в его рассказах сопряжено с мудрым духовным советом или предостережением. Опытю пройдя путь познания воли Божией, старец стремился передать свое знание слушателям. Жизненный путь старца как в міру, так и в монашестве отчетливо представляется благодаря художественной одаренности рассказчика. Неожиданные образы и сравнения делают его описание событий живым и интересным. Эта особенность бесед старца Варсонофия еще более усиливает их значение и помогает понять, насколько этот источник духовной мудрости глубок и светел. В беседах звучит живой голос старца Варсонофия, донося до нас «глаголы жизни вечной» и обозначая путь души к спасению. А это и есть основное назначение духовной литературы. «Беседы преподобного Варсонофия Оптинского» можно считать замечательным памятником духовной литературы начала XX столетия.

М. А. Можарова (ИМЛИ, Москва) в докладе «Оптинский старец Варсонофий и Лев Толстой: несостоявшаяся встреча» говорила о том, что предсмертное паломничество Л. Н. Толстого в Оптину Пустынь, попытки встретиться со старцами, беседа в Шамордине с сестрой-монахиней, определенно выраженное желание поселиться возле стен монастыря дали надежду близким писателя и многим современникам на возможность его примирения с Церковью. Поспешный отъезд из монастыря, внезапная тяжелая болезнь, полная изоляция ото всех, кто не принадлежал к кругу единомышленников В. Г. Черткова, сделали невозможной встречу Толстого с Оптинским старцем Варсонофием, приехавшим в Астапово 5 ноября 1910 г. и предпринявшим несколько безуспешных попыток встретиться с умирающим писателем.

Возможное разрушение легенды о «закоренелой антицерковности» Толстого, по мнению В. Ф. Ходасевича, И. А. Бунина и В. Н. Ильина, могло бы изменить ход истории и повлиять на «духовные судьбы России и всего мира». Жизнь Льва Николаевича, по словам старца Варсонофия, «могла бы пойти совсем иначе, не послушайся он погибельного помысла». Духовная трагедия писателя, отразившая глубину пережитого Россией в XIX в. мировоззренческого кризиса, явила собой урок и продолжает таковым оставаться для последователей религиозного учения, в завершенности и истинности которого сомневался сам создатель его – Л. Н. Толстой.

Постоянный участник конференций ЦТН *протоиерей Павел Хондзинский* (ПСТГУ, Москва), сотрудничество с которым чрезвычайно важно для пушкинородцев, выступил с докладом «Николай Васильевич Гоголь как представитель *Laientheologie*». XIX век в России характеризуется бурным развитием *Laientheologie* (богословия мирян). «Размышления о Божественной Литургии» Н. В. Гоголя, безусловно, делают его значительным представителем указанного направления. Гоголь работает над «Размышлениями» параллельно с «Выбранными местами» и можно думать, что эти два сочинения в известном смысле дополняют друг друга, точнее – «Размышления» конкретизируют представленную в самом общем виде в «Выбранных местах» мысль о будущем явлении «невидимой» Русской Церкви в жизни общества.

Хотя в работе над «Размышлениями» Гоголь использовал уже существующие толкования на Божественную Литургию, однако нельзя согласиться с теми, кто отказывает его сочинению в оригинальности. Согласно Гоголю, Литургия не только вводит нас в царство Божественной Троицы – царство любви, – но и одновременно распространяет его присутствие в мире, связывая людей любовью по образу любви Троицеской. Так «Размышления» наполняют конкретикой жизни «пророчество» «Выбранных мест» о явлении «невидимой Церкви»: *она обнаружит себя, явит себя, как действие литургии верных, где хотя и совершает все «Сам*

Верховный Вечный Архиерей», но каждый *сослужит священнику* и это литургическое сослужение становится основой служения, преображающего общественную жизнь. Следует признать, – подчеркнул докладчик, – что если первая часть этой мысли и может быть обнаружена в святоотеческой традиции, то, во всяком случае, не лежит на поверхности, а что до второй, то она в эпоху Гоголя, пожалуй, не может быть усвоена никому кроме него.

Хотя недостаток богословских познаний Гоголя и обнаруживает себя в том, что он не связывает напрямую воздействие Литургии с Причастием, говоря не столько о частом причащении, сколько о *посещении* Литургии, тем не менее в переживании Литургии как центра церковно-общественной жизни Гоголь в своем роде уникален и может быть назван предтечей того «евхаристического возрождения», которое приходит в русскую традицию в конце XIX – начале XX вв.

Большой радостью для гостей конференции стало то обстоятельство, что второе заседание 15 апреля проходило в замечательном своей планировкой и открывающейся панорамой зале на «башне» Пушкинского Дома. Открыл это заседание постоянный участник круглых столов и конференций Центра *В. А. Фатеев* (СПб). Его доклад «...Быть бы ему хорошим архиереем» (Непройденный путь Николая Страхова) был посвящен известному критику и философу XIX века. Однако жизненный путь Н. Н. Страхова рассматривался докладчиком в необычном ракурсе – с точки зрения наличия в его типично холостяцком бытовом укладе и строгих нравственных установках очевидного сходства с нормами поведения иночествующих. С монашеским укладом Страхов был знаком весьма близко. Он окончил Костромскую духовную семинарию, располагавшуюся в старинном монастыре, хотя сам ни монахом, ни священником не стал. Однако и учась в университете, Страхов целый год жил в Александро-Невской лавре среди монахов под зорким оком своего дяди епископа Нафанаила (Савченко). Многие люди, хорошо знавшие скромный образ жизни и напоминающее келью ученого «мниха» жилище этого уединенного мыслителя и книжного

затворника, – начиная с Л. Н. Толстого (фраза которого вошла в название доклада), – находили у Страхова черты, сближавшие его с монашествующими. Среди них – Д. И. Стахеев, автор повести о Страхове с названием «Пустынножитель», Ю. Н. Говоруха-Отрок, Л. И. Веселитская-Микулич, которая описала выступление Страхова в роли монаха в любительском спектакле, вызвавшее восторженную реакцию Ф. М. Достоевского. «Монастырь-писатель» – так охарактеризовал однажды своего старшего друга В. В. Розанов.

Особенно подробно остановился докладчик на воспоминаниях Б. В. Никольского, который нашел «монашеский тон» в применении к светским вопросам самой характерной особенностью поведения Страхова. Так он объясняет вежливость и осторожность мыслителя, его деликатность с чужими мыслями и суждениями, уклончивость в выражении собственных мнений. Более того, Никольский даже находил определяющим влияние церковной стилистики на литературный язык Страхова, отличающийся ясностью, точностью и продуманностью. Он назвал Страхова «аскетом стилистики».

Не осталась обойденной в программе конференции и такая важная тема, как история русского ученого монашества. Она затрагивалась в нескольких докладах, но преимущественно – в выступлении *А. П. Соловьева* (БАГСУ, Уфа) «Метафизика мировой скорби: архиепископ Никанор (Бровкович) об ученом монашестве второй половины XIX века». Сложные философские аспекты этого доклада заставляют представить его тезисы более развернуто.

Будучи учащимся, преподавателем, а затем и ректором в пяти семинариях и двух духовных академиях и, наконец, архиереем в трех епархиях, архиепископ Никанор (Бровкович; 1826–1890) лучше многих знал судьбы ученого монашества. Сталкивался он и с печальными случаями. По его наблюдениям, до трех четвертей ученых монахов «погибали»: снимали сан, спивались или нравственно и интеллектуально опускались. Судьбы

ученого монашества рассматриваются в записках архиепископа Никанора, которые были опубликованы после его кончины хранителем его архива протоиереем Сергием Петровским.

Основным мотивом записок является идея о том, что монашество является носителем «мировой скорби», понимаемой как несоответствие подвижнического идеала служения Богу и ближним *практической* стороне жизни ученого монаха, который вынужден сталкиваться с мирскими искушениями. Само это противоречие (антиномия) монашеского идеала и мира происходит на фоне исключительного одиночества ученого монаха, так как он не принимается мирянами в силу своего сана и не может иметь равного общения с неучеными монахами. Одиночество вынуждает обращаться ко второй стороне (антитезису) антиномии. Именно переход к антитезису из-за ощущения неисполнимости монашеского идеала приводит к тому, что снимают сан архимандрит Феодор (Бухарев) и иеромонах Валериан (Орлов), замыкаются и умирают в гордыне собственной учености епископ Иоанн (Соколов) и архиепископ Афанасий (Дроздов). Им противоположны те, кто выдержал все искушения, кто удержал высоту ума и смирения, кто преодолел эту антиномию – митрополиты Филарет (Дроздов) и Платон (Городецкий), архиепископы Иоанн (Доброзраков), Антоний (Амфитеатров) Смарагд (Крыжановский) и др.

Если «тезисом» жизни монаха является подвижнический идеал церковно-общественного служения, то вариантов проявления «антитезиса», ему противостоящего, множество (искушение противоположным полом, винопитие, увлечение мирскими развлечениями и т. п.). Но самая страшная угроза для ученого монаха – неверие, которое прикрывается позитивистской научностью. Ученый монах остается один на один с антихристианской направленностью современной науки, которая затягивает в это неверие своей эмпирической направленностью и логицизмом. «Мировая скорбь» монаха и есть итог остановки на противоречии между православным идеалом и

реалиями отвлеченного научного познания, которое ведет к неверию, принимая массовый характер.

Преодоление этой скорби – именно в разрешении антиномии, в попытке синтеза тезиса и антитезиса, точнее – в поиске возможностей «согласить философию с православной религией». Именно на путях выявления относительности научного и философского знания и возможности его согласования с православным идеалом архиепископ Никанор видит возможность для ученого монаха послужить ближним и привести их к вере.

Антиномичность познания и бытия рассматривается архиепископом Никанором не только в жизненных перипетиях судеб монахов, но и в теоретическом аспекте, в попытке согласования позитивной науки и философии с православным мировоззрением. Этой задаче посвящен трехтомный незавершенный трактат «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», в котором архиепископ Никанор связывает появление антиномий с различными способами действия «внутреннего душевного чувства». Будучи направлено на прирожденные душе высшие идеи, это чувство предстает как разум (идеальное познание) или – при его направленности на внешнее бытие – как рассудок (понятийно-абстрактное мышление).

Рассудок рассматривает вещи и процессы с точки зрения их ограниченности, отвлеченности. Разум рассматривает их в модусе абсолютного бытия, не только как ограниченные, но и как имеющие в себе абсолютное бытие. Разум в учении архиепископа Никанора понимается как непосредственное, интуитивное познание идеи, познание. Это противоречие между абсолютным и относительным познанием неустранимо, хотя бы в силу того, что без относительного познания не может быть самоопределения познания абсолютного. Относительное, отвлеченное вообще не может стать связанным с абсолютным, если и в абсолютном и относительном не появится определенность относительно того, что отвлеченное неотъемлемо связано с

абсолютным. Антиномия – это обязательный фон и условие целостности, синтеза.

Антиномия разума и рассудка опирается на структуру ограниченного бытия, как его предлагает понимать архиепископ Никанор, выделяющий два вида бытия – абсолютное и ограниченное. Абсолютному бытию противоположно абсолютное небытие. Абсолютное небытие есть принцип предела, ограниченности вообще, тогда как абсолютное бытие – это принцип полноты силы. Абсолютное бытие определяется архиепископом Никанором и как полнота мировых сил, и как творческая, зиждительная сила Бога. Эта сила через самоограничение абсолютным небытием создает ограниченное бытие – эйдосы-идеи, эйдосы-души, эйдосы-атомы, умозрительные сущности вещей. Эйдосы при этом включают в качестве своей «универсальной сущности» абсолютное бытие, которое оказывается внутренней силой всего бытия. В этом смысле эйдосы единосущны в своем отношении к абсолютному бытию. Но эйдосы как ограниченное бытие содержат и «индивидуальную сущность», которая соотносится с определенной степенью причастности эйдоса к абсолютному небытию. Эйдос в этом смысле антиномичен.

Именно в такой онтологии оказывается, что рассудочность связана с «индивидуальной сущностью», а разум – с «универсальной». Понятийное познание устремлено к внешней стороне бытия, к пределу и границе бытия, то есть – к максимальной абстракции, которая в пределе есть абсолютное небытие. А эйдосное познание, познание прирожденных идей (которые прирождены «универсальной сущности») стремится к глубинным силам бытия, внутрь – к абсолютному бытию.

Как эти две противоположные «сущности» эйдоса взаимозависимы и неразделимы, так и рассудок неотделим от разума, так как они оба являются разнонаправленными способами проявления «внутренней душевной» познавательной способности. Разум не может в полной мере познать самого себя без рассудочной объективации, а рассудок не может существовать без

разума, так как он есть отвлеченная от разума способность, которая берет силы именно от разума.

Как видно, в своей философии архиепископ Никанор намечает преодоление отвлеченной рассудочности при осознании ее неизбежности и даже необходимости. Именно эта антиномия рассудка и разума, как и антиномия абсолютного бытия и небытия, как антиномия «универсальной» и «индивидуальной» сущности, порождают феномен совести – «сердечное чувство», которое есть не просто различие добра и зла, но в большей степени – чувство антиномичности жизни и познания. Совесть как способность ощущать разорванность бытия, жизни, поступков, есть способность ощущать напряжение, данное в антиномии. И именно совесть дает возможность монаху чувствовать «мировую скорбь» (от неверия мира, от его отвлеченной относительности, переживаемых как свое собственное неверие и немощь).

Здесь архиепископ Никанор смыкает свое рассмотрение ученого монашества с теоретической философией. Ученое монашество важно для него не только тем, что сам владыка – ученый монах. Оно важно как та часть человечества, которая имеет возможность приблизиться к истине, которая несет за это ответственность и осознает ее. Монашество, и в особенности ученое монашество, для владыки Никанора – это совесть мира, а значит – это те, кто «пропускает» мир со всеми его антиномиями через себя и глубоко страдает от этих антиномий, пытаясь их преодолеть.

Н. Н. Павлюченков (ПСТГУ, Москва) посвятил свой доклад неизвестному русскому религиозному мыслителю архимандриту Серапиону (Машкину). В истории русской мысли имя архимандрита Серапиона оказалось тесно связанным с именем священника Павла Флоренского. Их короткое знакомство по переписке привело к тому, что Флоренскому (тогда студенту Московской духовной академии) достались все бумаги скончавшегося в феврале 1905 г. в Оптиной пустыни архимандрита. В числе этих бумаг было и большое сочинение, озаглавленное «Система Философии.

Опыт научного синтеза», из которого Флоренский, по собственному признанию, заимствовал ряд идей. Несмотря на то, что вся область заимствования самим Флоренским была достаточно четко обозначена, в литературе почти сразу же появилось обвинение Флоренского в плагиате. Так возникла проблема «идейной собственности» (термин Флоренского) в наследии Флоренского и Машкина, которая до сих пор периодически ставилась и обсуждалась, но не могла быть решена, поскольку сочинение архимандрита Серапиона так и не было опубликовано. Кроме того, вплоть до наших дней не было издано большинство материалов, собранных Флоренским для жизнеописания Машкина, что также рождало множество необоснованных предположений, субъективно трактующих как образ архимандрита Серапиона, так и образ самого Флоренского.

В докладе были приведены результаты предварительного изучения всех доступных материалов о Машкине из Архива свящ. П. Флоренского, включая основное сочинение о Серапиона, которое только в 2013 г. впервые выходит в свет. Докладчик пришел к выводу, что о скрытом плагиате со стороны Флоренского речи быть не может: Флоренский заимствовал из сочинения Машкина только те идеи, на которые сам указал. Однако главной темой доклада – чрезвычайно важной в связи с проблематикой конференции – стали жизнь и деятельность архимандрита Серапиона, пытавшегося совместить христианскую аскетику («практику философии») с усилиями по построению научно-философской системы «цельного знания», испытывавшего сильное влияние Вл. Соловьева и, вместе с тем, являвшегося достаточно самобытным и оригинальным русским религиозным мыслителем.

В. В. Каширина (Российская академия живописи, ваяния и зодчества, Москва) выступила с докладом «Оптинские старцы о литературе и искусстве», в котором она систематизировала взгляды оптинских старцев на творчество русских писателей XIX в.: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, братьев Киреевских, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Одним из важнейших источников стали при этом

высказывания старца, чьему юбилею была посвящена конференция. Оптинские старцы, как известно, не оставили специальных трактатов по вопросам литературы и искусства, однако представленные исследовательницей материалы свидетельствуют о том, что в обители хорошо знали, ценили и любили русскую литературу. Недаром многие писатели ожидали от старцев оценки своего творчества. Для старцев главной была духовная основа произведений как показатель внутренней цельности и высокого предназначения любого творения. Истинное служение художника – это путь труда, скорбей и испытаний. Этот путь преп. Варсонофий сравнивал с восхождением на Фавор.

У талантливых русских художников в их служении прекрасному, как отмечали в обители, всегда была доля аскетизма и внутренней одухотворенности, ибо, по мысли преп. Варсонофия, «лучшие наши писатели стремились к Богу». Именно служение высшим идеалам характеризует лучшие произведения русской словесности.

Работу первого дня конференции завершила презентация новых книг. Издание **«Взыскующий красоты. Оптинский иеромонах Даниил (Болотов). Страницы духовного наследия»** (М.: Старая Басманная, 2013) представил один из ее составителей, А. Л. Толмачев.

В. А. Фатеев рассказал о своей работе над книгой **«Жизнеописание Василия Розанова»** – вторым, исправленным и значительно дополненным изданием его известной более ранней работы «С русской бездной в душе». Замечательно оформленная и тщательно подготовленная книга вышла в «Издательстве “Пушкинский Дом”». Директор издательства, Е. И. Гончарова, тепло говорившая о Валерии Александровиче как об одном из любимейших авторов, сообщила и о других новинках издательства и планах на будущее.

Соредактор серийного издания **«Христианство и русская литература»** О. Л. Фетисенко познакомила присутствующих с содержанием вышедшего в 2012 г. в издательстве «Наука» седьмого сборника, а главный редактор этого издательства, д. филос. наук В. М. Камнев сказал несколько

слов о сотрудничестве «Науки» и издательства «Владимир Даль» с Леонтьевской группой Пушкинского Дома.

16 апреля утреннее заседание конференции открыл *А. В. Медведев* (СПб), рассказавший в сообщении «Преп. Мартирий и Зеленецкие летописи» о некоторых деталях биографии подвижника и о современном состоянии основанного им монастыря. Вслед за тем выступила постоянная участница конференций ЦТН *Е. М. Аксененко* (ИРЛИ). В своем докладе «Литературное наставничество святителя Игнатия (Брянчанинова)» она коснулась малоисследованной темы отношения преосвященного Игнатия к словесному искусству монашествующих. Видя главный источник подлинного христианского творчества в глубочайшем личном покаянии, плаче о своих грехах, святитель считал, что основанием такого творчества должно стать не самовыражение, но самоотвержение. Он не только рассуждал об этом в письмах и теоретических работах о словесности, живописи, музыке, но прежде всего, воплотил в собственном творческом пути, начав его с покаянного «Плача инока о брате его...», а позже написав «Плач мой». Важнейшим условием писательского труда святитель считал также стяжание духовной трезвости. Рассматривая творческую историю поэтического сборника «Мирянка и отшельница» (1846–1849) молодой послушницы Бородинского монастыря Елизаветы Шаховой (1822–1899), которую архимандрит Игнатий взял под свое духовное покровительство, докладчица проследила особенности взаимоотношений святителя с талантливой поэтессой, вступившей на путь монашества.

Научный сотрудник Литературного музея ИРЛИ *Е. В. Кочнева* выступила с сообщением «К истории создания живописного портрета митрополита Евгения Болховитинова из собрания Императорской Российской академии», в котором изложила новые сведения, касающиеся истории создания хранящегося в Литературном музее живописного портрета выдающегося церковного иерарха первой трети XIX в. – митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова; 1767–1837). Согласно

музейным документам, изображение представляет собой посмертную копию, написанную в 1837 г. художником Калашниковым по заказу Императорской Российской академии с «оригинала, находившегося в архиерейском доме в Киеве». Основанием для исследования послужило дело о написании портрета митрополита Евгения из архива Российской академии (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) и хранящиеся в Литературном музее редкие изобразительные материалы из коллекции Б. Л. Модзалевского (1874–1928) – одного из первых исследователей академического портретного собрания. На основе сравнительного анализа изображений Болховитинова из собраний Национального Киево-Печерского историко-культурного музея-заповедника, Государственного Исторического музея (Москва) и коллекции Б. Л. Модзалевского, а также изучения ряда дореволюционных и современных источников и публикаций, исследовательницей установлено, что копия для Российской академии была создана живописцем и литографом А. А. Калашниковым (1795–1852) с портрета, восходящего к утраченному живописному оригиналу кисти И. В. Бугаевского-Благодарного (1780–1860) из собрания Воронежского областного художественного музея.

О. Л. Фетисенко (ИРЛИ) посвятила свой доклад «Пустынь как пристань («Подруги» К. Н. Леонтьева и «Зеленая пустынь» И. Л. Леонтьева-Щеглова – два неоконченных романа)» сопоставлению двух незавершенных произведений, создававшихся почти одновременно, и постаралась ответить на вопрос, почему оба они не были доведены до конца. Причины этому коренятся не только в жизненных обстоятельствах писателей, но и в творческой их психологии. Константина Леонтьева затруднял нравственный вопрос: какая мера исповедальности и биографических подробностей допустима в романе, задуманном как история «обращения». Иван Щеглов (под этим псевдонимом выступал прозаик и драматург И. Л. Леонтьев), быстро принявшийся в 1891–1892 гг. за работу над замыслом, отступил перед трудностями описания мало знакомой ему реальности (не случайно свой опыт знакомства с монастырем и старчеством он назвал «открытием

Америки»). Писатели-однофамильцы встретились и познакомились в июне 1891 г. в Оптиной Пустыни, которая, между прочим, стала местом действия обоих рассматриваемых в докладе произведений: их главные герои, претерпев разнообразные житейские и нравственные катастрофы, находят прибежище в небольшом монастыре, славящемся своими старцами. «Прототипичность» Оптиной для леонтьевского романа указана в его письмах, в случае Леонтьева-Щеглова – в его рабочих тетрадях, хранящихся в Пушкинском Доме.

Для концепции конференции было чрезвычайно важно привлечь к участию в ней профессиональных историков. При этом оказалось, что последних не меньше, чем филологов, интересуется *текст*, русская словесность. О. В. Кириченко (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) выступил с обстоятельным докладом «Женские православные обители в поле зрения русских литераторов XIX – начала XX вв.».

Г. М. Запальский (МГУ) сделал доклад «“Всенижайший слуга” на “высоте своего величия” (Судьба архимандрита Леонтия (Желяева) и ее автобиографическое осмысление)». Архимандрит Леонтий (в миру Желяев или Жиляев; 1817–1895) не оставил практически никакого следа в историографии, но его жизненный путь был совершенно экстраординарным и оказался запечатлен в мемуарах, хранящихся в Отделе рукописей РГБ. В результате поисков в этом архиве, а также в РГАДА, РГАЛИ, архивах Владимирской и Калужской области исследователю удалось привлечь внушительный комплекс документов и в деталях реконструировать биографию отца Леонтия. В докладе она была рассмотрена через призму его воспоминаний.

Мемуары представляют собой два списка рукописи объемом около 200 листов, которая наименована «Отец Архимандрит Леонтий. (Биография)». В рукописи главный герой упоминается в третьем лице, но ряд важных деталей (в частности уточнения, вписанные в тексте его рукой) убеждает в том, что текст был составлен под руководством архимандрита Леонтия, а возможно, и

под его диктовку. При этом в автобиографии элемент «авто» был замаскирован.

О. Леонтий недолго прожил в Оптиной пустыни времен первого старца Льва (Леонида), был его учеником и затем вместе с группой оптинцев был перемещен в Тихонову пустынь. У него сохранились интересные воспоминания об этом опыте создания «филиала» Оптиной, где носился «дух оптинского благочестия».

Будущий архимандрит происходил из столбовых дворян, но семья жила настолько бедно, что мальчику пришлось пасти скот у зажиточного крестьянина. После этого он монашество отчасти воспринимал как некую компенсацию. О. Леонтий достиг «карьерных высот»: в 1850-х гг. был духовником богомольцев в Киево-Печерской лавре, в 1862 г. был назначен настоятелем Глуховского Петропавловского монастыря (Черниговской губернии). Вот как это комментируется в его автобиографии: «Он вполне достиг вершины своего величия. Самое богослужение его в сане архимандрита было с привилегиями архиерейского сана». Возведение в сан архимандрита описано максимально подробно, и в итоге перед читателем предстает новопоставленный архимандрит, «достойно за свои труды и заслуги украшенный блестящей золотистой митрой». Подобные нотки, видимо, были характерны для о. Леонтия, они звучат и в других его текстах.

Однако «не долог был период его счастья и высоты». В 1867 г. архимандрит был уволен от управления, а затем запрещен в священнослужении. В 1869 г. он был отправлен в тюрьму Суздальского Спасо-Евфимиевого монастыря, где провел почти весь остаток жизни. В жизнеописании он изображает из себя невинного страдальца, не оцененного по заслугам, а причину судебного преследования видит в лживых доносах. Удивительно, что под арестом о. Леонтий проявил себя незаурядным организатором и «дирижером» церковной благотворительности. Например, он привлек средства и образцово украсил тюремную церковь и даже организовал в обители фонтан.

Судьба о. Леонтия подтолкнула докладчика к обобщающему размышлению о монахах-дворянах. Их карьерные перспективы в пореформенный период были выше, чем у представителей других сословий. Их ценили, так как по своему образованию, деловым качествам, связям они были неплохо подготовлены к начальственным позициям. Но нередко и сами выходцы из дворян по своей природной склонности стремились к карьерному росту, и эта цель порой заслоняла другие.

Не в первый раз участвовала в конференциях ЦТН *Т. Н. Резвых* (ПСТГУ, Дом-музей С. Н. Дурылина). Она, так же как предыдущий докладчик, познакомила слушателей с редчайшим архивным материалом. Ее доклад «“Бог даст ли мне Оптину?” (Оптинский дневник Сергея Дурылина 1918 года)» был посвящен роли монастырей в жизни и творчестве С. Н. Дурылина. В религиозно-философских работах Дурылина Оптина Пустынь и Троице-Сергиева Лавра были символами Святой Руси, координатами, связывающими Святую Русь и Россию. В докладе рассказывалось о личных контактах Дурылина с епископом Феодором (Поздеевским), митрополитом Вениамином (Федченковым), архиепископом Димитрием (Добросердовым), игуменом Порфирием (Горшковым), схиигуменом Феодосием (Поморцевым). В центральной части доклада речь шла о двух дневниках Дурылина, которые он вел в поездках в Оптину пустынь в 1917 и 1918 гг. Дурылин был духовным чадом преп. Анатолия (Потапова) и записывал различные свидетельства о нем. Кроме того, он собирал материалы о старцах Оптиной пустыни и ее роли в русской литературе. В дневниках сохранились записи и сугубо автобиографические: вопросы к исповеди и ответы на них преп. Анатолия. Важный лейтмотив дневника 1918 г. – свидетельства, сны, видения Апокалипсиса, записанные Дурылиным.

Оптинская тема была отчасти продолжена и в следующем выступлении, оказавшемся одним из наиболее ярких и эмоциональных на конференции. В докладе *Е. И. Гончаровой* (ИРЛИ) «Надежда Павлович:

между Саровом и Оптиной (К истории создания поэмы «Серафим»)» речь шла о творчестве поэтессы, вошедшей в литературу в первые годы после революции (отдельные стихотворения, впрочем, были опубликованы и до 1917-го). Ученица Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова и Андрея Белого, Надежда Александровна Павлович (1895–1980) прошла непростой путь нравственных исканий. Отдав дань увлечению антропософией, она обретает духовную опору в Православии и в 1922 г. становится духовной дочерью последнего старца Оптиной Пустыни Нектария. Павлович – автор поэмы «Оптина» (1930-е), религиозно-духовных стихов (значительная их часть до сих пор не опубликована), в том числе «Старцу Нектарию Оптинскому», и очерка «Оптина Пустынь: почему туда ездили великие?». Как признавалась Павлович в письме к Андрею Белому (РГАЛИ), в ее духовном становлении огромную роль сыграл преп. Серафим Саровский. Вероятно, поэтому в 1918 г. Н. Павлович работает над поэмой «Серафим», в которой обращается к образу русского святого. Композиционно поэма состоит из четырех частей. Две части поэмы (II и III), написанные в духе пролетарского лубка, были опубликованы в журнале самарского Пролеткульта «Зарево заводов» (1919. № 1). В архиве Павлович (РГАЛИ) сохранились автографы I и IV частей поэмы, так и не вышедшие в свет. Действие поэмы начинается в Сарове, куда пришел Ванюха во главе разбойной голытьбы грабить монастырь и раку Серафима Саровского (I часть), переносится в абстрактный город (II и III части), а завершается в море за Петроградом, где гибнет Ванюха (IV часть). Главные персонажи поэмы: Ванюха, его невеста Танюша и Серафим Саровский. Для публикации в пролеткультовском журнале Павлович выбрала части поэмы, наполненные мажорным идейно-образным инвентарем Пролеткульта. В I части поэмы Павлович, напротив, нарисовала картины одичания и запустения – закрытые храмы, забытая тропа в Саров. Сцена насилия в поэме несомненно восходит к событиям 1804 г. из жизни Серафима Саровского, известным по житию святого. Основой сюжета могли стать и «набеги» опергрупп ОГПУ осенью 1918 г. с требованием денег от

монастыря. Четвертая, неопубликованная часть поэмы завершается гибелью «душегубца» Ваньки на корвете, а Серафим Саровский возносится над морскими волнами. Образ Серафима Саровского, строящего «новый дом» с разбойной голытьбой, стоит в одном тематическом ряду со стихотворением Андрея Белого «Родине» и с поэмой В. Каменского «Стенька Разин».

Имя Надежды Павлович звучало и в докладе *А. Л. Толмачева* (Москва) «Литераторы и судьба Оптиной Пустыни в кризисные годы Церкви». Осветив историю постепенного уничтожения духовного центра русской культуры, докладчик рассказал о противодействии культурных сил, в том числе литературных, этому процессу. В попытках сохранения в каком-либо приемлемом виде Оптиной Пустыни после закрытия монастыря был организован музей под тем же названием с программой сохранения монастырского уклада под видом его музеефикации. Эта программа была сформулирована о. Павлом Флоренским. Один из основателей музея, Н. Померанцев, представлявший Отдел музеев Наркомпроса, в конце 1920-х гг. издал книгу об основанных в Подмосковье нескольких музеев монастырей. Книга вводит усилия по созданию музея «Оптина Пустынь» в контекст общих проблем данной деятельности. Широкое использование архива музея «Оптина Пустынь» позволило докладчику показать кратковременную (менее десяти лет) историю его существования в невозможных внешних условиях. В докладе обращено внимание на некоторые, закрепленные в печатных трудах, ошибки, касающиеся роли Н. А. Павлович в судьбе Оптиной Пустыни и сохранения ее библиотеки и архива. По архивным материалам восстановлена подлинная история и роль Музейного отдела и Румянцевской (позже имени В. И. Ленина) библиотеки в деле сохранения Оптинского архива. Непосредственным организатором вывоза материалов был сотрудник библиотеки Н. Н. Ильин, оставивший машинописные воспоминания, в том числе с подробным описанием этих работ и бытовой ситуации в Козельске в 1925 г. Вторая часть доклада была посвящена уникальной роли Надежды Павлович в сохранении памяти об

Оптиной Пустыни и, в частности, о последнем старце, преподобном Нектарии. Цитировались стихи из великолепного оптинского цикла Павлович и ее воспоминания о старце Нектарии. Эти воспоминания, в отличие от жизнеописания старца, не опубликованы, и содержат наряду с важными штрихами к характеристике старца некоторые эпизоды, дающие повод к соблазнам. В целом, по мнению докладчика, именно творчество Павлович проложило мостик от Оптиной периода расцвета к современной возрожденной обители.

Живой отклик встретил филологический этюд, предложенный начинающей исследовательницей. Студентка СПбГУ *Е. С. Деревяга*, участница поддержанного Министерством образования и науки осуществляемого в ИРЛИ проекта «Европейские основы и русский вклад в моделях возрождения культуры», выступила с докладом «“Архистратиг иль инок”». Об одном стихотворении из цикла “Римский дневник” Вяч. Иванова», посвященным мотивному анализу стихотворения «Став пред врагом лицом к лицу...», шестому «сентябрьскому» тексту указанного цикла. В. И. Иванову в этом, как и в других стихотворных и прозаических текстах, удалось в канонический библейский сюжет внести элементы собственной философии и даже в некотором смысле биографии. Лирический сюжет стихотворения связан с Архангелом Михаилом, одним из семи Архангелов, вождем небесного воинства в борьбе с сатаной. В Средние века считалось, что Михаил ведет спор о душе каждого человека. Отчетливо прослеживается связь поэтического текста с Апокалипсисом: упоминание Зверя, противоречивость фигуры Михаила. Он зовется в стихотворении «архистратигом» (одно из его устойчивых именовании) и «иноком». Последнее определение принадлежит самому Иванову.

Образ инока у Иванова встречается и в других стихотворных текстах («Невеглас», «повесть в терцинах» «Феофил и Мария» и др). Иноком Иванов называет Алешу Карамазова в книге «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика». «Старец-инок» – условный автор «Повести о Светомире-

царевиче». Тот же образ есть и в тексте автобиографической поэмы «Младенчество». Он связан с важнейшим для философии Иванова понятием «внутреннего человека» (носителя лика). В обоих указанных произведениях инок – носитель божественного начала.

Одно из главных противопоставлений рассмотренного в докладе стихотворения – триада лицо – лик – личина, присущие соответственно человеческому началу, божественному и демоническому. Для Иванова эта тема имеет важнейшее значение (стоит вспомнить его статьи «Духовный лик славянства» и «Лик и личины России», где уже в названии дается противопоставление этих двух понятий). В тексте стихотворения эта мысль также нашла отражение: здесь призыв к отречению от личины, к желанию быть целым (целостным). Яркий призыв к борьбе заканчивается стихами: «В Христово ль облекись обличье – / Или со Зверем ополчись!» Последний стих говорит о возможности борьбы и против Бога, что звучит в некотором роде как провокация, поэтому, как подчеркнула докладчица, не стоит воспринимать стихотворение в отрыве от других текстов «Римского дневника». В последнем стихотворении раздела «Сентябрь» – рассвет, вера и чувство благоговенья, которое она внушает.

Е. Н. Монахова (ИРЛИ) сделала обзор «Образы святых в творчестве петербургского скульптора Вячеслава Уланова». В 2010 г. в Литературном музее Пушкинского Дома на персональной выставке представил свои работы известный в России и за рубежом петербургский ваятель Вячеслав Павлович Уланов. Но и ранее в этих стенах, на выставке «Небо и Земля», приуроченной к одной из ежегодных научных конференций «Православие и русская литература», мы имели возможность увидеть его произведения. Талант скульптора многогранен. В разные годы Уланов касался многих жанров и тем: карело-финский эпос «Калевала», портреты Шекспира, Гёте, Мицкевича, Баха, Бетховена, Пушкина, Лермонтова, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой – легендарной матери Марии.

Отдельно приходится говорить о такой стороне его творчества, как создание образов христианских святых и подвижников, а шире – святости в самом высоком значении этого слова. К названной теме В. П. Уланов шел не простым путем. Проведя большую часть жизни в атеистическом пространстве советского общества, он уже в зрелые годы, сложившимся мастером, смог приблизиться к ней. В 1989 г. Уланов по приглашению Фонда культуры, в рамках программы «Тринадцать веков Болгарии», приехал в эту страну. В городе Велико Тырново он принял участие в выставке, посвященной славянской письменности, представив на ней композицию «Создатели славянской азбуки Святые Кирилл и Мефодий». Просветители славян изображены стоящими рядом с буквицами в руках. Эта работа сейчас находится – как дар автора Болгарии – в национальной библиотеке в Софии и служит своеобразным символом славянской письменности. Уланов не раз возвращался к теме Кирилла и Мефодия. Он воплощал ее в дереве, в терракоте с цветной глазурью. Последний вариант своеобразен: три фигуры святых спонтанно возникают на гранях единого столпа, составляя монолитное целое. Их разделяют кресты, а сами изображения плоскостны, «утоплены» в материале. К равноапостольным Кириллу и Мефодию добавлен третий святой – Климент Охридский.

В 1999 г. Уланов обратился к преданию Русской православной церкви, изваяв из дерева с полихромной росписью фигуру святого Сергия Радонежского. Его образ сродни украшающим многие храмы на Руси деревянным плоскостным раскрашенным фигурам святого Николы Можайского с мечом и городом в руках и святой Параскевы Пятницы. Работу Уланова вполне можно поместить в их ряду – и это знак необычайной его удачи при воплощении образа основателя Троице-Сергиевой лавры.

За изображением Сергия Радонежским последовали созданные как в дереве, так и в терракоте с надглазурной росписью варианты образов святого Георгия Победоносца и святого Благоверного Князя Александра Невского. Хоть и небольшого размера, они впечатляют удивительной

монументальностью, величием, но в то же время необычайно одухотворены и приближены к зрителю на более близкое расстояние, нежели канонические.

Совершенно особое место в творчестве Уланова занимает небольшая терракотовая скульптура недавно канонизированной святой Русской зарубежной церкви – легендарной матери Марии, погибшей в фашистском лагере Равенсбрюк. К выставке в Пушкинском Доме в 2002 г., посвященной ей, Уланов создал ее образ – нельзя сказать, что портрет, хотя сходство очень большое (скульптор лепил по фотографии) – в монашеском облачении, с крестом на груди. Удивительной суровой правдивостью отличается эта работа. Несомненно, она могла бы найти место и в храме, став предметом поклонения – но создана чтобы «быть в миру», как и сама мать Мария, помогавшая всем, кто нуждался в ней.

Несколько слов было сказано в докладе и о небольших, но удивительно выразительных плакетках, на которых предстают Богоматерь с Младенцем, приникшие друг к другу. Материал – обожженная глина – в этих работах Уланова буквально «дышит» глазурью. Названные плакетки – последние по времени обращения Уланова к теме христианской святости, необычайно для него значимой. Они датируются 2002 г.

Доклад Е. Н. Монаховой сопровождался богатым иллюстративным материалом, а последним аккордом конференции, также связанным с «визуальным аспектом» восприятия, стал показ фотоматериалов к представленной накануне книге об о. Данииле (Болотове), после чего состоялось подведение итогов конференции. По единодушному мнению участников и слушателей, она получилась, пожалуй, одной из самых удачных и цельных за всю небольшую, но насыщенную научными событиями историю Центра.